

УДК 94(37).07

РИМСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ В БОЮ: ОБРАЗЫ, ДИСКУРСЫ И ПРАГМАТИКА ВОЕННОГО ЛИДЕРСТВА (II)

© 2013 г.

А.В. Махлаюк

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

amakhlayuk@gmail.com

Поступила в редакцию 15.12.2013

Анализируются свидетельства литературных и эпиграфических источников личного участия римских полководцев в бою с точки зрения корреляции в них прагматических и идеологических аспектов военного лидерства. Показано, что так называемый комплекс Ахилла был отнюдь не чужд римлянам и соответствующие образы и примеры обнаруживают явное греческое влияние, идущее через историографические, поэтические и риторические топосы, а также через иконографические образцы, которые следует рассматривать как особый дискурс. В то же время этот дискурс основывался на собственно римских традициях и выражал специфически римскую идеологию и практику военного лидерства. Эти традиции, в которых большое значение придавалось индивидуальной воинской доблести и военной «харизме», оставались мощным ресурсом легитимации власти как для государственных деятелей Римской республики, так и для большинства императоров, которые использовали соответствующие образы и модели в своей пропаганде.

Ключевые слова: Древний Рим, военная история античности, римские полководцы, прагматика и идеология военного лидерства, нарративный и идеологический дискурсы.

В настоящей статье главным предметом нашего исследования будут свидетельства литературных и эпиграфических источников личного участия римских полководцев в бою. Взятые в своей совокупности, они представляют картину, которая существенным образом противоречит предписаниям военной теории, рассмотренным в первой части данной работы [1]. Создается даже впечатление, что следование этим постулатам было гораздо менее распространенной практикой, нежели активное вмешательство командующих в боевые действия и личное участие в бою. Проявления индивидуальной воинской доблести, включая собственноручное уничтожение врагов в рукопашной, не только активно пропагандировалось средствами изобразительных искусств, но и ожидалось от военачальников высокого ранга со стороны как подчиненных, воодушевляемых личным примером командующего, так и общественного мнения, которое находит выражение в литературных произведениях.

Конечно, в античных литературных текстах (прежде всего в поэтических и риторических) нетрудно найти столь же малореалистические эпизоды личного участия военачальника в сражении, как и на изобразительных памятниках. Так, в «Энеиде» Анхиз, пророчествуя о грядущей славе Марцелла, племянника Августа, опи-

сывает его воинскую доблесть вполне в гомеровском духе¹:

*... От него не уйти невредимо
Враг ни один бы не мог,
пусть бы юноша пешиим сражался,
Пусть бы шпоры вонзал в бока*

скакуна боевого
(Verg. Aen. VI. 879–881;

пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского).

Еще одним красноречивым примером могут служить строки Горация из оды, обращенной к Августу в связи с победами, одержанными его пасынками Тиберием и Друзом в 15 г. до н. э. над альпийскими племенами:

*... полки врагов
Без устали теснил Тиберий,
В самую сечу с конем врываясь.
<...>*

*Громил так Клавдий,
ринувшись в смертный бой.*

*Одетых в латы варваров без потерь;
Кося и задних и передних,*

Трупами землю устлал победно².
(Carm. IV. 14. 22–24; 29–32;
пер. Н.С. Гинцбурга)

Если же обратиться к риторическим текстам, то нужно отметить, что наставления по ритори-

ке прямо предписывают подробно останавливаться на битвах с участием императора (Menander. Περὶ ἐπιδεικτικῶν // *Rhetores Graeci*. III, p. 373, 17–32 Spengel). В качестве показательного образчика реализации такой установки можно привести пассаж из панегирика императору Константину, произнесенного неизвестным оратором в 313 г. н. э.:

Но ты, император, думаешь, что я прославляю все, что ты сделал в этом сражении? А я вновь жалуюсь. Ты все предусмотрел, все устроил, исполнил все обязанности верховного главнокомандующего, но зачем же сражался сам? Зачем ты врвался в самую гущу врагов? <...> Неужели ты полагаешь, будто мы не знаем, как, охваченный чрезмерным рвением, ты ворвался в самую середину вражеского войска и, если бы не проложил себе дорогу, разя [врагов] направо и налево, обманул бы надежды и чаяния всего человеческого рода? <...> Сражаться следует тем, кому на роду написано или победить, или быть убитым; но зачем же подвергаться какой-либо опасности тебе, от жизни которого зависит судьба всех? <...> Нужно ли тебе, император, самому поражать врага? Тебе даже не пристало делать это³.

(Pan. Lat. IX [XII]. 9. 2–6; пер. И.Ю. Шабаги).

Другое дело, однако, свидетельства историко-графических нарративов. В изображаемых античными авторами батальных сценах, разумеется, присутствует изрядная доля риторики, но тем не менее сообщаются факты, считать которые чистым вымыслом и риторическим преувеличением вряд ли правомерно.

Модель героического лидерства, берущая начало в гомеровском эпосе, в полной мере сформировалась в эллинистическую эпоху. В качестве нормативной черты образа полководца она предполагала неразрывное единство индивидуальной воинской доблести и собственно полководческого искусства, включая знание тактики и военных хитростей. Образцом эллинистического царя-полководца, в полной мере следующего полководческому стилю Александра Великого (который, в свою очередь, можно, сказать, сознательно ориентировался на гомеровскую парадигму – «комплекс Ахилла»⁴), несомненно, может служить Пирр Эпирский. Яркое описание его героического лидерства в бою дает Плутарх⁵, рассказывая о битве при Геракле:

... Он... первым бросился вперед, прищипив коня. Во время битвы красота его оружия и

блеск роскошного убора делали его заметным отовсюду, и он делом доказывал, что его слава вполне соответствует доблести, ибо, сражаясь с оружием в руках и храбро отражая натиск врагов, он не терял хладнокровия и командовал войском так, словно следил за битвой издали, попевая на помощь всем, кого, казалось, одолевал противник

(Plut. Pyrrh. 16. 7–8; пер. С.А. Ошерова).

Аналогичным образом сочетание собственно полководческих качеств и сугубо воинской храбрости нередко с явным уважением подчеркивается (в том числе и римскими авторами) в других военных лидерах позднеклассического и эллинистического времени. Например, по словам Юстина, Эпаминонд при Мантинее не только руководил битвой, но и сражался как храбрейший воин (Iust. VI. 7. 11: non ducis tantum, verum et fortissimi militis officio fungitur). Для Веллея Патеркула Митридат Евпатор – «вождь в замыслах, воин в бою» (Vell. Pat. II. 18. 1: consiliis dux, miles manu).

Необходимо подчеркнуть, что подобная модель героического лидерства была отнюдь не чужда римским военачальникам практически на всем протяжении римской истории, а не только на ее ранних этапах, когда, по словам Ливия, считалось почетным, чтобы сами полководцы начинали сражение: decorum est tum ipsis capessere pugnam ducibus (Liv. II. 6. 8). Приведем подборку соответствующих свидетельств, расположив их в хронологической последовательности, чтобы нагляднее показать непрерывность традиции. Но сначала следует отметить, что единство собственно воинской доблести и полководческого искусства, несомненно, принадлежит к исконным, можно сказать, базовым чертам римской военной культуры, обусловленным состязательным характером той «меритократической» политической системы, которая сложилась в период ранней Республики⁶. В этой системе римская элита свои притязания на политическое лидерство в значительной степени обосновывала демонстрацией не просто реальных военных достижений, но и обладанием такой воинской доблестью (virtus), в ее «физическом», боевом аспекте⁷, которая была доступна каждому римскому гражданину, выполнявшему свой воинский долг [13, p. 97, 103]. Показательно, что в том идеальном образе римского государственного деятеля, который обрисован в речи Кв. Метелла на похоронах его отца Луция Цецилия Метелла, военачальника I Пунической войны, консула 231 г. до н.э., наряду с прочими качествами, выделяется стремление быть в чис-

ле первых воителей и храбрейшим полководцем, под чьим водительством совершались бы величайшие деяния⁸.

Примерами подобного поведения богата история классической Республики, и в традиции они оцениваются скорее как образцовые, нежели исключительные. Ливий, рассказывая о войне с самнитами, вкладывает в уста Валерия Корва речь, в которой противопоставляются те военачальники, которые храбры только на словах, но не сведущи в военном деле, и те, которые владеют разными видами оружия, умеют вырваться пред знамена и управиться в самой гуще боя⁹. Фронтин (Strat. IV. 5. 3) упоминает некоего консулара Постумия, который в ответ на вопрос солдат, чего он от них требует, заявил, что требует, чтобы они последовали его примеру (ut se imitentur), и, схватив знамя, первым ринулся на врага. Примечательно, что тот же Ливий в своем сравнении потенциальных возможностей римских полководцев и Александра Великого упоминает Манлия Торквата и Валерия Корва, которые «стяжали славу ратоборцев прежде славы полководцев» (insignes ante milites quam duces) и вряд ли уступили бы на поле брани бойцовой доблести Александра¹⁰, которая «немало прибавила к его славе» (VII. 17. 7; пер. Н.В. Брагинской).

Для эпохи Пунических войн в целом была, по-видимому, характерна приверженность римских военачальников героической модели лидерства, основанного на личном примере и непосредственном участии в опасностях боя¹¹ [16, р. 153]. Такой модели следовали консул Фламиний в битве у Тразименского озера (Liv. XXII. 6. 1–4) и Эмилий Павел при Каннах (Polyb. III. 116. 1 sqq.; Liv. XXII. 49. 1 sqq.). Это, безусловно, влекло за собой смертельный риск. Так, консул Гай Атилий Регул, лично возглавивший атаку римской конницы в битве при Теламоне с галлами (225 г. до н. э.), пал в рукопашной схватке, сражаясь, по словам Полибия (II. 28. 10), «как отчаянный боец» (παράβλως ἀγωνιζόμενον ἐν χερσὶν ἰούμῳ). Так же погибает и Клавдий Марцелл, напав во главе конного отряда на противника во время небольшой стычки (App. Hannib. 50; Polyb. X. 32. 9–10; Liv. XXVII. 27. 11; Plut. Marc. 29).

Однако, несмотря на смертельный риск¹², многие римские военачальники — и отнюдь не только в критических ситуациях, когда доблестная смерть могла смыть позор поражения или переломить ход боя, — сражались в первых рядах, увлекая за собой подчиненных, как, например, претор (186 или 185 г. до н. э.) Кальпурний Пизон, который во время одного из

сражений в Испании во главе конницы «первым врезался во вражеские ряды и так далеко углубился в них, что трудно было различить, на чьей стороне он бьется» (Liv. XXXIX. 31. 8–9; пер. Э.Г. Юнца). Катон Старший не раз с риском для жизни предводительствовал в бою, когда воевал в Испании (App. Hiber. 40).

В эту эпоху военачальник мог скорее даже заслужить упрек в том, что он мало участвует непосредственно в боях. По сообщению Фронтин (Strat. IV. 7. 4), Сципиону Младшему (который в юности прославился победой в единоборстве с вражеским вождем¹³) даже пришлось в этом оправдываться, заявляя, что мать родила его полководцем, а не бойцом (imperatorem me mater, non bellatorem peperit).

Пожалуй, с наибольшей полнотой римский идеал военачальника-бойца воплотился в фигуре Гая Мария, которого Плиний Старший называет *manipularis imperator*¹⁴. Марий, насколько позволяют судить наши источники, в своем стиле командования вполне соответствовал той самохарактеристике, которая дается в приводимой Саллюстием речи: «сам я в походе и в сражении буду вам и советчиком, и товарищем в опасности и при всех обстоятельствах буду рядом с вами»¹⁵ (пер. В.О. Горенштейна). Заявляя, что ему хорошо знакомы все стороны воинской службы (а именно: *hostem ferire, praesidia agitare, nihil metuere nisi turpem famam, hiemem et aestatem iuxta pati, humi requiescere, eodem tempore inopiam et laborem tolerare*), Марий называет полезным и достойным гражданина командованием (*hoc est utile, hoc civile imperium*) такое, когда военачальник на равных разделяет с подчиненными все тяготы и труды (V. Jug. 85. 33–35). Такой стиль военного лидерства прямо противопоставляется тому, которому в то время следовали некоторые римские нобили, полагавшиеся не столько на практический военный опыт, сколько на теоретические наставления греков (Ibid. 85. 12–13; 32). Соответствующие примеры действий Мария в бою мы находим и у Саллюстия (V. Jug. 98. 1), и у Плутарха в описании битвы при Аквах Секстиевых (C. Mar. 20. 6), и в отзыве Диодора Сицилийского (XXXIV. 35. 38). И как образцовая данная модель командования воспринималась и в последующие эпохи (SHA. Pesc. Nig. 11. 3). В отдельных критических ситуациях так же, как Марий, действовали и другие римские полководцы его времени. Например, во время битвы при Орхомене, когда римское войско обратилось было в бегство, Сулла, спрыгнув с коня и схватив знамя, кинулся навстречу врагам (Plut. Sulla. 21. 2; App. Mithr. 49). Аналогичным обра-

зом в критических ситуациях поступал и Цезарь (Caes. BG. II. 25. 2; VII. 87–88; V. Afr. 83. 1; Val. Max. III. 2. 19; App. BC. II. 104; 152; Vell. Pat. II. 53. 3–4; Flor. II. 13. 81–82).

Можно привести и другие свидетельства личной храбрости, демонстративно проявляемой военачальниками в бою. Этим качеством особенно отличались Гней Помпей, участвовавший в рукопашных сватках и кавалерийских атаках, вполне в духе Александра Великого¹⁶, которому он, как известно, стремился подражать (см.: [20, S. 54–82, с литературой]), как в начале своей карьеры, так и в качестве командующего; Серторий, с юных лет прославившийся исключительной храбростью в бою (Plut. Sert. 4. 2; 19); Марк Антоний, который, командуя конницей в войске консула Габиния, дал, по словам Плутарха (Plut. M. Ant. 3. 5), «многочисленные доказательства и [своей воинской] отваги, и дальновидности военачальника» (τόλμησ ἔργα καὶ προνοί ας ἠγεμονικῆς); Лукулл, который в одном из сражений пешим с оружием устремился на врага во главе двух когорт, воодушевив этим остальных своих воинов (Plut. Lucul. 28. 3).

Как в общем плане, так и в изложении отдельных боевых эпизодов римские авторы часто упоминают о неразрывном сочетании в образе действий того или иного военачальника сугубо воинской храбрости и собственно полководческих качеств. Взятые в своей совокупности, такие пассажи не оставляют сомнений в наличии устойчивого топоса, используемого как в сугубо риторическом контексте, так и в исторических нарративах, претендующих на достоверность. Так, Цицерон, выступая в защиту Валерия Флакка, восхваляет его как *fortissimum militem* и *diligentissimum ducem* – «храбрейшего воина и рассудительнейшего полководца» (Flac. 3. 8). Катилина, по словам Саллюстия (Cat. 60. 4), в сражении «находился с легковооруженными в первых рядах, поддерживал колебавшихся... заботился обо всем, нередко бился сам, часто поражал врага; выполнял одновременно обязанности и стойкого солдата, и доблестного полководца» – *strenui militis et boni imperatoris officia simul exsequebatur*¹⁷ (пер. В. О. Горенштейна с изменениями). Так же действует и легат Цезаря Котта: «он не только обращался со словами ободрения к солдатам, но и сам принимал участие в бою и, таким образом, исполнял обязанности и полководца и солдата» (Caes. BG. V. 33. 2: *imperatoris et in pugna militis officia praestabat*. Пер. М.М. Покровского). Даже юный Октавиан, не отличавшийся ни физической силой, ни храбростью, во время Мутинской войны исполнил обязанности не только

полководца, но и простого солдата¹⁸: взяв у раненого знаменосца орла, он долго носил его на своих плечах. Цицерон восхваляет консулов Пансу и Гирция за их действия в той же кампании, называя первого, сражавшегося в передовых рядах и дважды раненного, прославленным императором¹⁹, а второго, который в бою сам нес орла легиона, – доселе невиданным прекрасным образом императора (Phil. XIV. 9. 26; 10. 27). Описание Тацитом (Hist. III. 17. 1) действий Антония Прима во время одного из сражений почти совпадает с цитированным выше свидетельством Саллюстия о Катилине. Антоний, по словам историка, «не упускал ни одной обязанности твердого полководца и храброго солдата» (*constantis ducis aut fortis militis officium*): он удерживал колеблющихся, отдавал распоряжения и лично вступил в схватку, пронзив копьем убежавшего знаменосца и выхватив у него знамя. Аналогичный эпизод Тацит описывает в Hist. IV. 77: Петилий Цериал в одном из сражений с мятежными галлами «своею рукою останавливает бегущих и бросается, без щита, без панциря, под град дротиков» (пер. Г.С. Кнабе).

Для периода ранней Империи это отнюдь не единичные свидетельства непосредственного участия командующего в бою. Об участии Друза Старшего и Германика в рукопашных схватках сообщает Светоний (Claud. 1. 4; Cal. 3. 1; ср.: Tac. Ann. II. 20. 3; 21. 2). Тацит, сравнивая Веспасиана с полководцами древних времен, пишет (Hist. II. 5. 1), что если бы не алчность, то всеми прочими качествами он им бы ни в чем не уступал: он «обычно сам шел во главе войска, умел выбрать место для лагеря, днем и ночью помышлял о победе над врагом, а если надо, разил его могучей рукой (*manu hostibus obniti*), ел, что придется, одеждой, привычками почти не отличался от рядового солдата» (пер. Г.С. Кнабе). Образ, как можно видеть, вполне соответствует Гаю Марию. В личной храбрости и готовности к риску на поле боя отцу не уступал Тит, который нередко действовал в передовых порядках (Jos. V. Iud. III. 7. 34; 10. 2–3; 10. 5; V. 2. 2; 2. 4–5; 6. 5; 7. 3; Suet. Tit. 4. 3; 5. 2; Dio Cass. LXVI [LXV]. 5. 1).

О подобных подвигах Траяна источники ничего не сообщают, но единодушно отмечают его личную храбрость и соучастие в трудах и опасностях своих воинов (Plin. Pan. 10. 3; 13. 1; 19. 3; Dio Cass. LXVIII. 14. 1). Септимию Северу, по свидетельству Диона Кассия, в критической ситуации во время битвы с Альбином пришлось непосредственно вмешаться в бой²⁰. Другие императоры III в. н. э., судя по всему,

нередко лично участвовали в боевых действиях, причем не только «солдатские императоры», такие как Максимин Фракиец (Herod. VII. 2. 6–7: SHA. Max. duo. 12. 3), Аврелиан, заслуживший даже прозвище Рубака — *manu ad ferrem* (SHA. Aurel. 6. 1–2), отец и сын Деции, погибшие в сражении с готами (Aug. Vict. Caes. 29. 5; ср., однако: Erit. de Caes. 29. 3), Проб, который, по словам Зосима (I. 67. 3), неистово сражался в битвах, идя в бой в первых рядах. Участие в рукопашных схватках приписывается даже идеальному «сенатскому» императору Александру Северу (скорее всего, вопреки действительности, но в данном случае показательное само стремление добавить и эту черту в образ идеального, с точки зрения автора «Жизнеописаний Августов», правителя²¹). Напротив, солдатский стиль поведения Каракаллы (который даже вызывал вражеских вождей на поединок) у его предубежденного современника Диона Кассия вызывает неприятие, прежде всего потому, что увлекавшийся этим император плохо выполнял обязанности полководца, τὰ στρατηγικά (Dio Cass. LXXVII [LXXVIII]. 13. 1–2).

Говоря о времени ранней Империи, нельзя не упомянуть одно важное эпиграфическое свидетельство – стихотворное посвящение Венере Эруцинской от имени Луция Апрония Цезиана, который вместе со своим отцом, проконсулом провинции Африка, успешно воевал против нумидийцев, восставших под предводительством Такфарината (Tac. Ann. III. 21). Как явствует из текста надписи, Апроний (именующий себя потомком полководца и полководцем – [natus belli duce] duxque), посвятил в дар богине собственный меч, затупившийся от ударов по врагам, и другое оружие, в том числе копье, которым наносил удары обращенный в бегство варвар²². Император Тиберий наградил отца почетной статуей, также посвященной в храм Венеры, а сына – досрочным избранием в жреческую коллегию септемвиров-эпулонов. Даже делая скидку на поэтические преувеличения, содержание надписи дает основания считать, что сам Луций (а возможно, и его отец) активно участвовал в боях [ср.: 22, р. 178].

Для периода ранней Империи мы также располагаем и рядом нарративных свидетельств об участии и (или) гибели в бою военачальников высокого ранга [23, р. 143–144]. Так, в битве с сарматами в 70 г. н. э. погиб наместник Мёзии Фонтей Агриппа, «который храбро сражался» (Jos. V. Iud. VII. 4. 3). Также на войне погиб наместник Мёзии при Домициане Г. Опций Сабин (Suet. Dom. 6. 1; Eutrop. VII. 23. 4; Jord. Get. XIII. 76; Oros. VII. 10. 3). В правление Коммода

в Британии вместе со своим войском погиб неизвестный военачальник (Dio Cass. LXXII [LXXIII]. 8. 2). Около 170 г. н. э. сенат по инициативе Марка Аврелия декретировал установку почетной статуи на форуме Траяна наместнику Дакии М. Клавдию Фронтону, который «погиб, до последнего вздоха храбро сражаясь за государство против германцев и язигов»²³. Во время Маркоманнской войны М. Валерий Максимиан, командуя одной из вспомогательных частей, сразил собственной рукой вождя племени наристов Валаона, за что удостоился награды от императора Марка Аврелия²⁴ (впоследствии он занимал ряд высоких военных и гражданских должностей, в том числе стал консулом²⁵).

О сознательной готовности командующего подвергнуться смертельной опасности в битве свидетельствует и такой символический жест, как демонстративный отказ военачальника от коня перед началом сражения. Ставя себя в одинаковое положение с массой пеших бойцов, полководец таким образом подчеркивал неприемлемость иного исхода битвы, кроме победы. Так неоднократно поступал Цезарь (Caes. BG. I. 25. 1; V. Afr. 83. 1); так же действовал Агрикола в битве при Mons Graupius (Tac. Agr. 35) и другие военачальники²⁶.

В IV в. н. э. героическая модель военного лидерства с наибольшей полнотой воплотилась в императоре Юлиане, который вполне сознательно следовал тому идеалу полководца, что сам очертил во 2-м Панегирике Констанцию (Or. 2. 87 В–88 В; ср. Or. 1. 39 В). По его словам, полководец должен приучать свое войско не бояться трудов и опасностей, действовать не только увещанием, поощрениями или строгими наказаниями, но личным примером, показывая, что он сам является таким, какими хочет видеть своих воинов. «Для солдата в тяжелом бою поистине самое приятное зрелище – благодушный император, который усердно соучаствует в трудах... который бодр и бесстрашен в грозных на вид обстоятельствах, а там, где воины чересчур отважны, строг и непреклонен. Ибо подчиненные обычно подражают командующему в осмотрительности и отваге»²⁷. Сам Юлиан на деле сочетал в себе, говоря словами Аммиана Марцеллина, и императора-полководца, и передового бойца, и соратника своих солдат²⁸.

Подобной модели поведения в бою следовали и другие современные Юлиану императоры, в частности, Констанций (Amm. Marc. XXI. 16. 7; ср.: Iulian. Or. 2. 53 А–С) и Грациан (Amm. Marc. XXXI. 10. 13), а еще ранее — Константин (Pan.

Lat. IX [XII]. 9. 2–6, цит. выше). Соответствующая парадигма сформулирована в панегирике Паката к Феодосию:

... Стремясь к чести, ты не упускал случая, чтобы первым или в числе первых взяться за выполнение всех многочисленных воинских обязанностей: становиться во главе строя, нести караульную службу, возводить вал, занимать боевую позицию, производить разведку, укреплять лагерь, в бой идти первым, из сражения выходить последним, в качестве полководца (действовать) разумением, а в качестве воина – примером...

(Pan. Lat. XII [III]. 10. 3;
пер. И.Ю. Шабаги)

И эта традиция героического лидерства продолжалась и в VI веке²⁹. Но если непосредственное греческое, «книжное», влияние действительно можно усмотреть в том стиле военного лидерства, которому следовал Юлиан³⁰ и который ярко представлен в труде Аммиана, то это, на наш взгляд, еще не дает оснований заключить, как делает Дж. Лендон [7, р. 304], что такое «антикварное лидерство» пронизывало культуру всего римского офицерского корпуса IV в., который якобы разделял эллинистическое представление о военном командовании в стиле Александра и гомеровских героев, выступавших одновременно как тактики, знатоки военных хитростей и передовые бойцы.

Соответствующие образцы и примеры в изобилии предоставляла и римская традиция, которая сохранялась в императорской армии на протяжении веков, хотя и проявлялась с разной степенью интенсивности. Ей следовали и военачальники, хорошо знакомые с греческой культурой, как, скажем, Тит, и те, чей кругозор, по сути, ограничивался только армейской жизнью, как у Максимиана Фракийца. Нельзя, разумеется, отрицать влияния тех *exempla*, которые римские военачальники могли почерпнуть из исторических и риторических сочинений. По справедливому замечанию А. Голдсуорти, «связь между литературным идеалом и практической действительностью является более тесной, чем может показаться на первый взгляд. Образ должного поведения командующего формировал реальное поведение римского аристократа, служившего в армии или командовавшего ею» [28, р. 195]. Следует только добавить, что в литературно-риторических топочах находит свое выражение та идеология военного лидерства, которая по своей сути связана с constitutive характером республиканской политической системы и самой римской военной организации в целом (ср.: [29–31]).

В этой идеологии всегда культивировалась личная храбрость военачальника, которая находила наиболее зримое проявление в поединках с вражескими предводителями, являвшихся распространённой традицией во времена классической Республики (см.: [13; 32, р. 38–39; 33]). Пристрастие к ним римлян, как и их готовность к самопожертвованию, отметил еще Полибий (VI. 54. 4). По справедливому замечанию О.В. Сидорович, «сильно развитый агональный дух», проявлявшийся в поединках, роднил «римских аристократов не с политиками и военачальниками классической Греции, а с гомеровскими героями» [33, с. 19]. С. Оукли, дающий полную сводку источников по данному периоду (он рассматривает, правда, только такие поединки, которым предшествовал формальный вызов противника), приходит к выводу, что такого рода единоборства, уходящие своими корнями в глубочайшую древность, были распространены в эпоху классической и поздней Республики гораздо шире, чем обычно считается [34]. К тому же обилие соответствующих примеров в Риме явно контрастирует с их немногочисленностью в Греции [35], что можно объяснить большей гибкостью манипуляционного строя по сравнению с греческой фалангой³¹. С установлением принципата инициатива отдельных аристократов на военном поприще была ограничена, что стало одним из факторов исчезновения обычая единоборств [34, р. 410].

Тем не менее есть основания полагать, что поединки (хотя и без формального вызова), в которых участвовали римские военачальники, а не только молодые аристократы или (со времени поздней Республики) простые бойцы и центурионы, продолжали, пусть и эпизодически, практиковаться и в эпоху принципата. Наиболее известным из этих эпизодов является единоборство М. Лициния Красса, внука триумвира, с вождем бастарнов Дельдоном, имевшее место в 29 г. до н. э. во время вторжения римлян в Мёзию в ответ на опустошение бастарнами Фракии (Dio Cass. LI. 24. 4). Красс, одолевший противника и снявший с него доспехи, таким образом, повторил выдающийся подвиг, который до этого в римской истории совершали только три человека³², и имел право посвятить «тучный доспех» (*spolia opima*) в храм Юпитера Феретрия, но в силу разных причин не сделал этого³³.

Это деяние, сулившее великую славу, стремился повторить Друз Старший, который, по утверждению Светония (Claud. 1. 4), «не раз в победах над врагом добывал знатнейшую добычу (*opima quoque spolia*), с великой опасностью гоняясь за германскими вождями сквозь гущу

Рис. Монета с изображением арки с конной статуей Друза на реверсе
(The Roman Imperial Coinage / Ed. E.H.V. Sutherland. Vol. I². L., 1984, no. 69–70).

боя»³⁴ (пер. М.Л. Гаспарова). В связи с этим свидетельством стоит отметить, что арку, посмертно воздвигнутую в честь Друза (Dio Cass. LV. 2. 3; Suet. Claud. 1. 3), судя по ее изображениям на монетах, отчеканенных в 41–42 гг. н. э. при императоре Клавдии, украшала статуя, представлявшая Друза в виде всадника в бою – единственный пример такого изображения на римских триумфальных арках (см. рисунок).

Поэтому, как полагает Дж. Рич, есть достаточно веские основания считать вполне реальным фактом личное участие Друза в сражениях; и хотя ему не удалось стать четвертым римлянином, посвятившим *spolia* Юпитеру, такое его честолюбивое стремление могло поощряться Августом, который рассчитывал, в случае его успешной реализации, упрочить престиж правящего дома [39]. Вполне вероятно, что подобным подвигом стремился прославиться и сын Друза Германик. Трудно сказать, насколько соответствует действительности утверждение Светония о том, что Германик неоднократно одолевал врага врукопашную (Cal. 3. 2), но эта информация не выглядит совершенно неправдоподобной, если сопоставить ее со свидетельством Тацита. По словам последнего (Ann. II. 20. 3; 21. 2), в одном из сражений с германцами Германик «первым во главе преторианских когорт ворвался в лес и там завязалась рукопашная сватка» (пер. А.С. Бобовича); во время этого боя он даже снял шлем с головы, чтобы его могли легче узнать в рядах римлян. Обращает на себя внимание сообщение о снятом с головы шлеме – характерная деталь, параллели которой обнаруживаются и в рассказе о Помпее Магне (Plut. Pomp. 12. 3), и в тех изобразитель-

ных памятниках, о которых шла речь в первой части данной работы [1].

По всей видимости, для правящего режима, заботившегося о «символическом капитале» потенциальных преемников власти и апеллировавшего в своей пропаганде к традиционным римским ценностям, включая такие, как репутация и слава (*fama* и *gloria*), приобретаемые личной доблестью на воинском поприще, было очень важно подчеркнуть храбрость имперских «принцев», хотя она, казалось бы, абсолютно контрастировала с убежденной осмотрительностью Августа в военных делах (ср.: [40]). Об этой осмотрительности первого принцепса выразительно свидетельствуют его хорошо известные изречения, которые он часто повторял в подтверждение своего мнения, что образцовому полководцу меньше всего пристало быть торопливым и опрометчивым: «Осторожный полководец лучше безрассудного» (греческая цитата из Еврипида: Phoen. 599); «Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрее» и др. Тех, кто стремится к малым выгодам ценой больших опасностей, он сравнивал с рыболовом, который ловит рыбу на золотой крючок (Suet. Aug. 25. 4; ср.: Polyæn. VIII. 24. 4–6). В данном контексте уместно, наверное, вспомнить и о том, что до битвы при Акции Октавиан дважды ответил отказом на предложение Антония решить их спор поединком (Plut. Ant. 62. 3; 75. 1). Сообщающий об этом Плутарх отнюдь не трактует такой вызов как нечто сверхъестественное, но о подобном способе разрешения конфликтов в период гражданских войн ничего не известно (если не считать отвергнутый Метеллом Пием вызов Сертория на единоборство

(Plut. Sert. 13. 3–4), хотя в то время еще практиковались вполне классические «дуэли» между бойцами противоборствующих сторон ([Caes.] V. Hisp. 25. 3–5).

В связи с традицией единоборств в военной истории Рима нельзя не упомянуть о том, что в среде римской аристократии (включая и многих императоров) престижным всегда – от древнейших времен до поздней Империи – было искусное владение сугубо воинскими умениями, прежде всего обращение с оружием (подробно см.: [41]). Эти умения, превозносимые в панегирических сочинениях, биографических и исторических рассказах, проявлялись не только на Марсовом поле или лагерном плацу, где упражнялись римские аристократы, но и иногда на поле боя, в реальных поединках или рукопашных схватках с врагом. Тем не менее очень часто указания на воинские навыки высокопоставленных командиров, не уступавших в этом простым солдатам, являются не столько констатацией фактов, сколько данью риторической топике, призванной подчеркнуть соответствующий *habitus* правителя или военного лидера. О широком распространении этого топоса могут свидетельствовать слова Вегеция (III. 26), который, обращаясь к императору, адресату своего труда, с непомерной лестью превозносит не только его знание тактики, но также искусство в метании стрел, в верховой езде, быстроту бега (другие источники см.: [41]; о *habitus*'е ср.: [42]).

Следует также сказать о том, что римская идеология военного лидерства героизировала шрамы от ран, полученных в сражениях за отечество. Демонстрация таких шрамов как знаков доблести, проявленной на поле боя, была, конечно, распространенным в римской политической и судебной практике риторическим жестом (см.: [30, р. 91–95; 43–44, с источниками; о семантике этого жеста в целом см. [45]). Но это вовсе не умаляет того факта, что *cicatrices ad verso corpore*, которые Марий называет своими *imagines* (Sall. 85. 29–30; Plut. C. Mar. 9. 2; ср. Cic. Rab. 36: *adverso pro re publica cicatrices et potas virtutis*), действительно были свидетельствами участия их обладателя в реальных боевых действиях и, судя по некоторым указаниям источников, по-видимому, считались очень престижными не только в эпоху Республики, но и в период ранней Империи, а также в поздне-римское время. Для раннеимператорского периода можно сослаться на свидетельство Диона Кассия (LIV. 14. 2–3), согласно которому во время «чистки» сената Августом некий Лициний Регул, возмущенный тем, что его имя было

вычеркнуто из списка сенаторов, тогда как там остались его сын и немало других людей, которых, как ему казалось, он превосходил своими достоинствами, «прямо в здании сената сорвал с себя одежды и, обнажив тело и показывая [присутствующим] свои шрамы, перечислил [совершенные им] походы». Что касается периода домината, то анонимный панегирист Констанция упоминает *imperatoris ipsius vulnus*, «ранение самого императора», как наглядное свидетельство его боевой доблести (Pan. Lat. VII [VI]. 6. 3; см.: [3, р. 225–226], с комментарием).

Таким образом, престиж и образ военного лидера, отличающегося личной доблестью на поле боя, несомненно, имели важнейшее значение для репрезентации и легитимации власти римской аристократии в период Республики, а в эпоху Империи – императорской власти [40, *passim*; 46–48]. Для большинства императоров, как и для государственных деятелей Римской республики, индивидуальная военная «харизма», пропагандируемая разнообразными средствами, оставалась мощным ресурсом упрочения властных позиций (ср.: [49], особенно р. 181)³⁵.

«Комплекс Ахилла» в его Александровом варианте был отнюдь не чужд римлянам³⁶. Другой вопрос, можно ли с определенной уверенностью утверждать, что на римскую идеологию военного лидерства в этом отношении повлияли греческие образцы. Такое влияние, идущее через историографические, поэтические и риторические топосы, а также иконографические образцы, несомненно, присутствует в рассмотренных свидетельствах, в которых поведение римских военачальников описывается в тех же или очень похожих выражениях, что и поведение эллинистических военных лидеров. Однако если говорить о прагматических аспектах, то ни в коем случае не стоит недооценивать и исконно римские традиции военного предводительства, на которых отнюдь не в последнюю очередь основывались соответствующие представления и дискурсы.

Возвращаясь к изобразительным памятникам, с которых мы начали наше исследование [1], следует сказать, что в них, как и в поэтических и некоторых риторических текстах, безусловно, присутствует высокая степень идеализации образа полководца на поле боя: идеализированный военный лидер предстает как героическая фигура, не столько стратег и тактик, направляющий ход сражения, сколько передовой боец, увлекающий за собой войско и воодушевляющий его примером собственной беззаветной храбрости³⁷. Различные вариации та-

кого образа нередко встречаются и в историографических нарративах. Было бы, однако, ошибкой видеть в соответствующих свидетельствах античных историков только дань литературным топосам. В военных традициях Древнего Рима обнаруживаются реальные исторические истоки и образцы такой модели героического лидерства, которой продолжали следовать римские военачальники и некоторые императоры и в эпоху Империи.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1; Соглашение № 14.В37.21.0962).

Примечания

1. См., например, анализ изображения военного лидерства в римском эпосе: [2].
2. У историков, повествующих об этой кампании, о подобных подвигах членов императорского семейства не упоминается (ср.: Vell. Pat. II. 95. 1–2; Dio Cass. LIV. 22).
3. К этому пассажию см.: [3, p. 288–293; 309–310, с комментарием]. О риторической технике, используемой панегиристами, см.: [4, особенно p. 228–235; 5, S. 325–327]. Подобные мотивы звучат и в других речах; см., например: Pan. Lat. II (X). 5. 3; IX (XII). 24. 3; X (IV). 26. 1–5; XII (II). 10. 3.
4. Ср.: [6]. Подробно о «гомеровском» стиле военного лидерства Александра см.: [7, p. 115 ff.].
5. Плутарх, кстати, тоже строит образ эпирского царя, сознательно ориентируясь на гомеровскую топикку. Об особенностях плутарховского нарратива о героических деяниях Пирра см.: [8]; ср.: [9, S. 217–219].
6. О римской меритократии см.: [10].
7. Как справедливо подчеркивает М. Мак Доннелл, «In Rome... physical prowess or courage, especially displayed in war, remained the central element of manliness throughout the Republican period and into the Empire. This both corresponds to the highly militaristic nature of Roman Republican society...» [11, p. 236]. Подробно автор развивает и аргументирует эту точку зрения в своей монографии [12, passim].
8. Plin. NH. VII. 140: voluisse enim primarium bellatorem esse, optimum oratorem, fortissimum imperatorem, auspicio suo maximas res geri... (= [14, p. 10]).
9. Liv. VII. 32. 11: ...verbis tantam ferox, operum militarium expers; an qui et ipse tela tractare, procedere ante signa, versari media in mole pugnae sciat.
10. В этом сравнении, как и в рисуемом в этом же эссе портрете Папирия Курсора, Ливий следует саллюстиевскому идеалу полководца-бойца, выдающегося как телесными, так и умственными качествами — corpus и ingenium (Liv. IX. I6. I2; 9. I7. I3; ср.: Sall. Cat. 1. 7; 60. 4). Ср.: [15, p. 68].
11. Впрочем, уже в этот период получает распространение более осторожный стиль командования, когда военачальники находились поблизости от передовых порядков, перемещались вдоль строя, ободряя воинов и направляя резервы [17, p. 68]. Подробнее об этом варианте командования см.: [18, p. 161 ff.].
12. Не стоит, впрочем, забывать, что в большинстве случаев полководец принимал участие в рукопашной схватке, сражаясь в окружении своих телохранителей, о чем неоднократно упоминается в источниках как республиканского, так и императорского времени (см., например: Polyb. VI. 31. 2–3; X. 13. 2; App. Hiber. 22; BC. II. 95; Sall. B. Jug. 98. 1; Tac. Ann. II. 20. 3; Amm. Marc. XVI. 12. 28).
13. В 151/50 г. до н. э. под Интеркатией в Испании. См.: Polyb. XXXV. 5. 1–2; Liv. Per. 48; Vell. Pat. I. 12. 4; Val. Max. III. 2. 6; Plin. NH. XXXVII. 9; Flor. I. 33. 11; Plut. Praec. reip. ger. 10; Ampel. 22; App. Hiber. 53; De vir. ill. 58. 2; Oros. IV. 21. 2.
14. Plin. NH. XXXIII. 150: C. Marius... ille arator Arpinas, et manipularis imperator. Может быть, это выражение лучше трактовать не как «полководец, возвысившийся из рядовых солдат» («a general who had risen from the ranks», как переведено в издании: Pliny the Elder. The Natural History / Trans. by J. Bostock, H.T. Riley. L., 1855 [http://www.perseus.tufts.edu]), а как «император-боец»? Анализ содержания, которое вкладывалось в это выражение, дает Р. Комбэ, не останавливаясь, правда, подробно на роли личного участия полководца в бою [19, p. 260–279].
15. Sall. B. Jug. 85. 47: Egomet in agmine [a]ut in proelio consultor idem et socius periculi vobiscum adero, meque vosque in omnibus rebus iuxta geram.
16. Ср., например: «Во главе войска стоял брат царя по имени Косид; он, как только дело дошло до рукопашной, напав на Помпея, метнул в него дротик и попал в створку панциря. Помпей же, пронзив его копьем, убил на месте» (Plut. Pomp. 35. 2–3; пер. Г.А. Стратановского). Ср.: Plut. Pomp. 7. 1–2; 12. 3; 19. 2.
17. Об устойчивости подобной формулы могут свидетельствовать и слова Вегеция, завершающие III книгу его «Епитомы»: «... по доблести души и настроению ума ты являешь перед государством высокий пример долга как императора, так и воина» — et imperatoris officium exhiberes et militis (III. 26; пер. С.П. Кондратьева).
18. non modo ducis, sed etiam militis functum munere (Suet. Aug. 10. 4). Октавиан был при этом еще и ранен (Flor. II. 4. 5). Во время Иллирийской кампании Октавиан также принимал личное участие в бою и был дважды ранен, один раз при штурме стен Метула, когда он сам бросился вперед с немногими спутниками и телохранителями, заставив войско устыдиться и последовать за ним (App. Illug. 20; 27; Flor. II. 12. 7; Suet. Aug. 20. 1; Plin. NH. VII. 148).
19. По Аппиану (BC. III. 71), Гирций погиб, ворвавшись в лагерь противника и сражаясь у палатки полководца.
20. «Когда он увидел, что все его люди обратились в бегство, то разорвал на себе плащ и, обнажив меч, ворвался в ряды бегущих, рассчитывая, что ли-

бо они, устыдившись, повернут обратно, либо он сам погибнет вместе с ними» (Dio Cass. LXXVI [LXXV]. 6. 7). Впрочем, по утверждению Геродиана (III. 7. 3), Север просто бежал вместе с остальными и, упав с лошади, сбросил свой пурпурный плащ, выдававший в нем императора. По другой версии (SHA. S. Sev. 11. 2), он упал с коня и был ранен свинцовой пулей из пращи.

21. SHA. Alex. Sev. 55. 1: «Сам Александр обходил фланги, ободрял воинов, находился в пределах досягаемости копий, очень много действовал своей собственной рукой (*manu plurimum faceret*)...» (пер. С.П. Кондратьева). Напротив, в биографии Максимиана Фракийца, выступающего явным антиподом Александра, первому приписывается мнение о том, что императору надлежит всегда действовать своей собственной рукой, что расценивается автором как «варварское безрассудство» – *barbarica temeritas* (SHA. Max. duo. 12. 3). Таким образом, одна и та же модель поведения могла толковаться совершенно по-разному в зависимости от характера описываемого персонажа.

22. CIL X. 7257 (= ILS 939 = Anthologia Latina. Vol. II. Carmina Latina epigraphica / Conlegit Fr. Buecheler. Fasc. 2. Lipsiae, 1982, 1525):

[L. Apronius L. f. Caesian]us VII vir [epulonu]m
..... Vene]ri Erucinae [d.] d.

[a patre his missus Lybiae procon]sule bella
[prospera dum pugnat, cecidit Maurus]ius hostis
felicem gladium [tibi qui patrisque dicavit]
Aproni effigiem [natus belli duce] duxque
hic idem fuit; hic i[usto certamine vi]ctor
<...>

armae quae gessit: scuto [per volnera fracto]
quanta patet virtus ens[is ab hoste rubet]
caedibus attritus, consummatque [hasta troapeum]
qua cecidit [f]os[s]u[s] barbar[us ora fessus]
quo nihil est utrique magis vener[abile signum]
hoc tibi sacrarunt filius atque pater].
<...>

Об этой надписи см.: [21].

23. CIL VI. 1377 = ILS. 1098: <...> huic senatus auctore imperatore M. Aurelio Antonino... / quod post aliquot secunda / proelia adversus Germanos et / Iazyges ad postremum pro r(e) p(ublica) fortiter / pugnans ceciderit armatam statuam [poni] / in foro divi Traiani pecunia publica cenuit («... сенат по предложению императора М. Аврелия Антонина постановил воздвигнуть ему на форуме божественного Траяна статую в военном облачении, так как он после нескольких успешных битв с германцами и язигами пал [в бою], храбро до последнего вздоха сражаясь за государство»).

См. также: [23, p. 64–65]. О карьере Фронтоната см.: CIL III. 1457 = ILS 1097.

24. Année Epigraphique 1956, 124: ... praef(ecto) al(ae) I Aravacor(um) in procinc(tu) Germanico ab Imp(eratore) Antonino Aug(usto) coram laudato et equo et phaleris / et armis donato quod manu sua ducem Naristarum Valaonem / intermisisset...

25. О его карьере см.: CIL III. 1122; CIL VIII. 2621; 2698 = 18247; 2749; 4234; 4600; CIL III. 13439 = ILS. 9122.

26. Спартак даже убил своего коня перед битвой (Plut. Crass. 11. 6). См.: [18, p. 151].

27. См.: [25], а также: [7, p. 290–307] и в целом об отношении Юлиана и армии: [25].

28. См.: Amm. Marc. XXIII. 5. 19: *imperator et antesignanus et conturmalis*; ср. XXIV. 6. 15: *ignoratus ubique dux esset an miles magis*; ср. также: XV. 8. 13; XVI. 4. 2; XVII. 1. 2; XXIV. 1. 13; 4. 18; XXIII. 5. 19; 5. 11; 6. 11; XXV. 3. 5–7; 4. 10; 4. 12.

29. См.: [7, p. 303 ff., n. 32 on p. 385] (со ссылками на источники, прежде всего на сочинения Прокопия Кесарийского). У Прокопия, кстати сказать, в изображении полководцев на поле боя обнаруживается явная ориентация на гомеровскую парадигму и противопоставление «Ахиллесова этоса» «этосу Одиссея». Подробно см.: [27, p. 262 ff., 294–307].

30. Действительно, Юлиан и после того как пришел к власти, очень большое внимание уделял штудированию военно-теоретической и исторической литературы (Liban. Or. XVIII. 38–39; 53; 72; 233; ср.: XII. 48; XV. 28) и даже сам стал автором специального сочинения о механике (Ioan. Lyd. Magistr. I. 49), а также исторического труда о своих походах (Liban. Epist. 33; Eunap. P. 217).

31. На этот фактор указывает, правда мимоходом, и Р. Комбэ [19, p. 275; 279], отмечая в этой связи, что в Риме, в отличие от Греции, развитие манипулярной, а затем когортной тактики обуславливало большее значение индивидуальных действий солдат и смелой инициативы полководца.

32. Легендарный Ромул (Liv. I. 10. 4–7; Propert. IV. 10. 5–6; Plut. Rom. 16), Авл Корнелий Косс в 437 г. до н. э. (см.: [35], со ссылками на другие источники) и Клавдий Марцелл в 222 г. до н. э., одолевший в поединке галльского вождя Бритомата (Verg. Aen. VI. 856–860; Plut. Marcell. 7–8; Flor. I. 20. 5).

33. Об этой дискуссии см.: [36–37]. Дж. Рич аргументированно доказывает, что это право никогда не оспаривалось, но сам Красс предпочел не настаивать на его реализации либо добровольно, либо в результате неформального давления [38].

34. ... ex hoste super victorias optima quoque spolia captasse summoque saepius discrimine duces Germanorum tota acie insectatus...

35. Об использовании веберовской концепции «харизматического господства» в изучении республиканского Рима см.: [50].

36. Примечательно, что два героя римской военной истории за свою храбрость, проявленную в том числе в поединках, получили прозвище Ахиллес. Это, во-первых, полубоггерой Л. Сикций Дентат, плебейский трибун 454 г. до н. э. (Dion. Hal. Ant. Rom. X. 37. 3; Val. Max. III. 2. 24; Plin. NH. VII. 101, Gell. NA. II. 11. 3; Fest. 208 L.) и Квинт Окций, легат в Испании в 143 г. до н. э. (Val. Max. III. 2. 21; Liv. Ep. Оху. 53–54).

37. Ср., например, Pan. Lat. XII (IX). 21. 4: ...quelemcumque militem fortissimum facias tuo, impera-

tor, exemplo. Ср. также: SHA. Hadr. 10. 4 (exemplo... virtutis suae).

Список литературы

1. Махлаюк А.В. Римский полководец в бою: образы, дискурсы и прагматика военного лидерства (I) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 253–265.
2. Nisbet R.G.M. *Aeneas imperator*: Roman generalship in epic context // Eadem. Collected Papers on Latin Literature / Ed. by S.J. Harrison. Oxford, 1995. P. 132–143 (= Proceedings of the Virgil Society. 1978–1980. Vol. 18. P. 50–61).
3. Nixon C.E.V., Rodgers B.S. In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini. Introduction, Translation, and Historical Commentary with the Latin Text of R.A.B. Mynors. Berkeley: University of California Press, 1995. 735 p.
4. L'Huillier M.-C. L'Empire des mots. Orateurs gaulois et empereurs romains 3e et 4e siècles. Paris: Les Belles Lettres, 1992. 459 p.
5. Ronning Chr. Herrscherpanegyrik unter Trajan und Konstantin: Studien zur symbolischen Kommunikation in der römischen Kaiserzeit. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. 445 S.
6. Bartov O. Man and the Mass: Reality and the Heroic Image of War // History and Memory. 1989. Vol. 1. No. 2. P. 102.
7. Lendon J.E. Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven; London: Yale University Press, 2005. xii, 468 p.
8. Adams G.W. The Representation of Heroic Episodes in Plutarch's *Life of Pyrrhus* // Anistoriton Journal. 2010–2011. Vol. 12 ([Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.anistor.gr/english/enback/2011_4e_Anistoriton.pdf).
9. Meißner B. Die Kultur des Krieges // Kulturgeschichte des Hellenismus. Von Alexander dem Großen bis Kleopatra / Hrsg. G. Weber. Stuttgart, 2007. S. 202–223.
10. Дементьева В.В. «Меритократия» Римской Республики: право, ритуал, политическая культура // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 55–65.
11. MacDonnell M. Roman Men and Greek Virtue // Andria. Studies in Manliness and Courage in Classical Antiquity / Ed. by R.M. Rosen and I. Sluiter. Leiden; Boston, 2003. P. 235–262.
12. McDonnell M. Roman Manliness. *Virtus* and the Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. xxi, 481 p.
13. Wiedemann Th. Single combat and being Roman // Ancient Society. 1996. Vol. 27. P. 91–103.
14. Oratorum Romanorum fragmenta liberae rei publici iteratis curis recensuit collegit H. Malcovati. Torino: Paravia, 1955. xix, 564 p.
15. Morello R. Livy's Digression (9. 17–19): Counterfactuals and Apologetics // Journal of Roman Studies. 2002. Vol. 92. P. 62–85.
16. Daly G. Cannae. The Experience of Battle in the Second Punic War. London; New York., 2002. P. 153.
17. Sabin Ph. The mechanics of battle in the Second Punic War // The Second Punic War: A Reappraisal / Ed. by T.J. Cornell, N.B. Rankov, Ph.A.G. Sabin. London, 1996. P. 59–79.
18. Goldsworthy A.K. The Roman Army at War 100 BC – AD 200. Oxford: Clarendon Press, 1996. xiv, 311 p.
18. Combès R. *Imperator*. Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine. Paris.: Presses universitaires de France, 1966. 492 p.
20. Kühnen A. Die *imitatio Alexandri* als politische Instrument römischer Feldherren und Kaiser un der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. Diss. Duisburg-Essen, 2005. 360 S.
21. Kleijwegt M. Praetextae positae causa pariterque resumptae // Acta Classica. 1992. Vol. 35. P. 133–141.
22. Picard G. Tactique hellénistique et tactique romaine: le commandement // Comptes-rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1992. Vol. 136. No. 1. P. 173–186.
23. Lewin A. Storia militare e cultura militare nei primi secoli dell'impero // La cultura storica nei primi due secoli dell'impero Romano / Ed. I. Troiani, G. Zecchini. Roma, 2005. P. 129–144.
24. Campbell B. The Roman Army, 31 BC – AD 337: A Sourcebook. London: Routledge, 1994. xix, 272 p.
25. Махлаюк А.В. Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2003. С. 30–35.
26. Usala M. Il rapporto di Giuliano con le truppe: stereotipi culturali e ricerca di nuovi equilibri in Ammiano Marcellino // Hormos. Ricerche di Storia Antica. 2010. Vol. 2 (Truppe e comandanti nel mondo antico. Atti del Convegno di Palermo, 16–17 novembre 2009). P. 175–187.
27. Whately C.C. Descriptions of Battle in the Wars of Procopius: PhD Thesis. University of Warwick, 2009. ix, 353 p.
28. Goldsworthy A.K. «Instinctive Genius»: The depiction of Caesar the general // Julius Caesar as Artful Reporter: The War Commentaries as Political Instruments / Ed. by K. Welch and A. Powell. London, 1998. P. 193–219.
29. Moore R.L. The Art of Command: The Roman Army General and His Troops, 135 BC–138 AD. PhD Diss. University of Michigan, 2002. P. 184.
30. McCall J.B. The Cavalry of the Roman Republic. Cavalry Combat and Elite Reputations in the Middle and Late Republic. London; New York: Routledge, 2002. viii, 200 p.
31. Махлаюк А.В. «Состязание в доблести» в контексте римских военных традиций // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 6. Н. Новгород, 1999. С. 64–81.
32. Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome 327–70 B.C. Oxford: Oxford University Press, 1979. xii, 293 p.
33. Сидорович О.В. Единоборство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 18–30.

34. Oakley S.P. Single Combat in the Roman Republic // *Classical Quarterly*. 1985. Vol. 35. No. 2. P. 392–410.
35. Дементьева В.В. *Spolia opima* Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции // *Вестник Ярославского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2007. № 4. С. 5–11.
36. Парфёнов В.Н. Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 28 слл.
37. McPherson C. Fact and Fiction: Crassus, Augustus and the *Spolia Opima* // *Hirundo, the McGill Journal of Classical Studies*. 2009–10. Vol. 8. P. 21–34.
38. Rich J.W. Augustus and the *spolia opima* // *Chiron*. 1996. Bd. 26. P. 85–127.
39. Rich J.W. Drusus and the *Spolia Opima* // *Classical Quarterly*. 1999. Vol. 49. No. 2. P. 544–555.
40. Campbell J.B. The Emperor and the Roman Army, 31 BC – AD 235. Oxford: Oxford University Press, 1984. xix, 486 p.
41. Махлаюк А.В. Военные упражнения, воинская выучка и *virtus* полководца // *Из истории античного общества*. Вып. 8. Н. Новгород, 2003. С. 61–74.
42. Phang S.E. Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate, Cambridge, 2008. P. 100–106.
43. Leigh M. Wounding and Popular Rhetoric at Rome // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1995. Vol. 40. No. 1. P. 195–215.
44. Evans R.J. Displaying Honourable Scars. A Roman Gimmick // *Acta Cassica*. 1999. Vol. 42. P. 77–94.
45. Flaig E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2004. S. 123–136.
46. Stäcker J. Princeps und Miles: Studien zum Bindungs- und Nahverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2003. 492 S.
47. Hekster O.J. Fighting for Rome: The Emperor as a Military Leader // *The Impact of the Roman Army (200 BC – AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects: Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire*. Capri, March 29 – April 2, 2005 / Ed. by L. de Blois and E. Lo Cascio. Leiden; Boston, 2007. P. 91–105.
48. Hekster O.J. The Roman Army and Propaganda // *A Companion to the Roman Army* / Ed. by P. Erdkamp. Oxford, 2007. P. 359–378.
49. Sommer M. Empire of glory: Weberian paradigms and the complexities of authority in imperial Rome // *Max Weber Studies*. 2011. Vol. 11. No. 2. P. 155–191.
50. Дементьева В.В. «Харизматическое господство»: концепция Макса Вебера в современной романистике // *Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике*. Т. 2. М., 2004. С. 101–118.

**ROMAN GENERAL IN BATTLE:
IMAGES, DISCOURSES AND PRAGMATICS OF MILITARY LEADERSHIP (II)**

A.V. Makhlayuk

The article examines literary and epigraphical sources concerning personal fighting of Roman generals in front ranks and points out the correlation between pragmatic and ideological aspects of military leadership. It is noticed that the so-called «Achilles' complex» was by no means alien to the Romans, but, while speaking of its pragmatics, corresponding images and examples, although influenced by the Greek historiographical, poetic and rhetorical *topoi*, as well as iconographical patterns, should be considered as a specific discourse, which was based on originally Roman traditions and expressed the specifically Roman ideology and practice of military leadership. These traditions, which put great store on personal military valor and military «charisma», remained a powerful resource for legitimizing the authority of Roman republican politicians, as well as most of the emperors, who used corresponding images and models in their propaganda.

Keywords: Ancient Rome, ancient military history, Roman generals, ideology and practice of military leadership, ancient narrative, images, discourse.